

Елена Тарасенко «Ars longa...»

«Ars longa, vita brevis», – «искусство вечно, жизнь коротка», – гласит витраж. Золотые листья и цветы обрамляют грозную надпись. Солнце бьёт сквозь цветные стёкла, бросает блики на стены и лица проходящих студентов, буквы висят чёрным силуэтом в солнечном свете.

А на подоконнике под витражом – высохшие мухи, мушки и мотыльки – наглядный пример бренности жизни перед вечностью искусства.

***

– Я всегда говорю, у нас даже смерть не является оправданием прогула! Что бы ни случилось, вы должны быть в мастерской! – Надежда Ивановна старается казаться строгой, хотя, на самом деле, очень добрая. На вступительных экзаменах она ходила из одной мастерской в другую, и всем подсказывала. Один парень пришёл без карандашей, и Надежда Ивановна принесла ему свои...

– На первом курсе вы ещё натюрморты пишете, а представьте, что будет на втором... На втором будет живая голова! Представьте только! – Надежда Ивановна всплескивает руками, и, кажется, сама ужасается своим словам, – а голова, ей что, она своё время отсидела и ушла, и ловите её потом, как хотите!

Нам уже не раз повторяли эту угрозу. Но должным образом она не действует. Мне всегда представляется училищный коридор, по нему бежит маленькая голова на коротких ножках, а за ней с воплями несётся наша группа...

Все мы давно уже мечтаем о «живой голове». Портреты пишут со второго курса, а мы лишь в коридорах натурщиков встречаем. Один натурщик с длинными лихо закрученными усами проходит мимо и здоровается по-французски. На нём, то мундир с эполетами, то тельняшка, то широкополая шляпа с пером. Эх, скорей бы уже второй курс.

***

Весь первый семестр мы писали натюрморты с бидонами. Учились «лепить» форму, и работать с тоном. А всё, что в учёбе полезно – то скучно. Бидон синий, бидон зелёный, бидон коричневый... Во дворе училища нужно поставить памятник бидону как самой важной вещи, без которой быть не может никакого искусства.

К бидону обычно полагалось пластмассовое яблоко на блюде или настоящая луковица. К концу постановки луковицы обзаводились длинными перьями зелёного лука. Эти перья безжалостно обрывали и ели.

Мы часто шутим, что в нас, студентах художественного училища, голодный студент пересекается с голодным художником, и получается ну просто, страшно голодный человек... Этим соображением мы как-то поделились с Надеждой Ивановной.

– Ну да, – ответила она, ничуть не удивившись, – мы и овощи настоящие в натюрморты поэтому не кладём, и вообще ничего съедобного... Не только студенты ведь голодные. Вот как-то я ставила натюрморт «рог изобилия»... Роскошный такой натюрморт получился! Опрокинутая корзина и фрукты разные, и хлеб... Красота!.. Я весь день бегала, проверяла, чтоб студенты не съели ничего. Вечером последняя из училища ушла, вахтёру наказала, чтоб никому ключ не давал. Утром прихожу – нет натюрморта! Ну, как же так, думаю, ну кто, кто мог съесть? Иду по училищу вся в негодовании, меня директор поймал и говорит: «Зайдите ко мне». Захожу, он мне пять рублей суёт, вот, говорит, сходите на рынок, купите, чего не хватает. Я смотрю, не понимаю. А он глаза отводит и, нехотя так: «Ну я, я ваш натюрморт съел..»

После зачисления, очень многие хотели попасть к Надежде Ивановне в группу. Ходили самые разные слухи. Якобы она ещё на вступительных экзаменах высматривает себе самых талантливых студентов, якобы все её выпускники непременно получают высшие баллы во всех столичных вузах.

Надежда Ивановна производила такое впечатление, что во все слухи верилось очень легко... И ещё казалось, что попасть-таки к ней в группу не светит никому. Даже став полноправными студентами, мы долго ещё не могли привыкнуть к суровому прищуру, с каким она смотрит на наши работы...

– Кувшин с правой стороны не закругляется, лессерни его кобальтом фиолетовым.

– Больше хаоса на дальнем плане! Большая кисть есть?

– Яблоку слишком много внимания! А ну, поставь его на место.

Каждый раз, когда Надежда Ивановна проходит мимо натюрморта, её красный шарф отражается в эмалированном кувшине, и кувшин обретает приятный тёплый оттенок.

– Ну что вы сонные такие? С нами бы кто так нянчился на первом курсе! Вот у нас преподаватель живописи... – вся группа наострила уши, – сам писал, мощно, цветно, загляденье! Но в мастерской из него слова было не вытянуть. «Живопись – это золотые камушки», – вот и всё что от него слышали. Расхаживал туда-сюда и как заведённый: «Живопись – это золотые камушки», – и ни слова больше! Ни одного! Вот как тут учиться?

В начале пары мы договариваемся: «Нужно побольше вопросов задавать, тогда она опять что-нибудь расскажет...». Иногда у нас получается.

– Мне на первом курсе сказали: «Выбирай, стипендия или место в общежитии, на втором будет тебе и то, и другое, а пока так», – вспоминает Надежда Ивановна свою учёбу в Петербурге, – я выбрала стипендию, и началась история с жильём... Сперва мы с подругой квартиру снимали у старушки одной, она от нас все шкафы закрывала на большие висячие замки. Вроде бы и ничего, а чем дольше жили, тем труднее становилось. Бывало, купишь пакет гречки, к примеру, поставишь в кухонный шкафчик и уйдёшь по своим делам, возвращаешься – замок. И не докажешь ведь ничего. Ушли мы от неё к другой бабушке, интеллигентной такой, у неё дома была роскошная библиотека, каких только книг не было. Хозяйка книги очень

любила. Но память её подводила: старушка постоянно теряла то одну, то другую книгу, а «виноваты» были мы, конечно. Потом я уже одна снимала комнату на окраине города, оттуда до института два с половиной часа ехать. Вставать приходилось ни свет ни заря. Ещё хозяева условие поставили, чтобы я с их дочкой уроки делала. Я приезжала из института в одиннадцатом часу, и мы садились за уроки. Всё быстро делали, но с математикой девочка сильно не ладила, задачи все мне приходилось решать, а она не понимала, хоть убей. Потом соседи про меня прознали, ещё соседские дети стали приходить, тоже с математикой, засиживались мы до глубокой ночи... А утром мне в институт. Отсыпалась в троллейбусах. Стоишь, зажали тебя со всех сторон, и два часа можно спать спокойно...

– На диплом нам дали по мастерской на двоих, мой напарник писал картину с тракторами. С утра на магнитофоне включал запись гудения тракторов. На полную громкость. А я тут же сидела и портрет Ломоносова писала под трактора...

– За спиной Ломоносова у меня было задумано окно... А оконные стёкла во времена Ломоносова возили из Италии, они были толстые с круговыми разводами. В Меньшиковом дворце, например, такие сохранились. Через них по-особенному падает свет, не так, как сквозь обычные стёкла. Меньшиков дворец тогда стоял на ремонте. Никого внутрь не пускали, конечно. И вот я упростила сторожа, ночью влезла на верхний этаж с большим этюдником и писала рассвет на Неве сквозь такое окно...

Группа слушает, затаив дыхание, это гораздо интересней, чем тени и рефлекссы на стенке бидона.

***

Закончились занятия. Стою на остановке. Гудят и теснят друг друга маршрутки. У подземного перехода старушки продают вязанье, овощи, квашеную капусту и варенье в баночках. Девушка играет на пластмассовой дудке, у её ног лежит раскрытая сумка. Расхаживает цыганка с ребёнком на

руках, просит «на хлеб». Женщина продаёт воздушные шарики в виде зайцев. Этих зайцев у неё огромный букет, из-за букета видны только край ярко-красной куртки и ноги. Возле колбасного лотка сидит облезлый полосатый кот, жмурится на солнце.

Карандаш сточился, руки озябли, а я пытаюсь изобразить вон ту бабушку, укутанную в шаль. Из-под пушистой шали торчит по-орлиному горбатый нос, среди складок и морщинок блестят тёмные глаза... Бабушка вдруг встает, выходит из-за ящика с товарами и, переваливаясь на ходу, направляется ко мне. Я поспешно смотрю в другую сторону, но уже поздно.

- Это вы меня рисовали? Меня? Ну-ка покажите!

Деваться некуда, показываю начатый набросок. Всё, сейчас начнёт вздыхать, спрашивать «это я, что ли? я что, правда такая?» и жаловаться на всё на свете.

– Это я, что ли? – лоб идёт мелкими морщинками.

Старушка смеётся, сверкая золотыми зубами. Прямо сгибается от смеха.

– Насмешили, девушка, - сообщает она мне, отдавая листок, – ну вы только никому не говорите, что это я.

– Чаво рисуете?

Вздрагиваю, оборачиваюсь. На меня из-под кустистых бровей смотрят пьяные глаза. Рот улыбается, показывая выбитые зубы.

– Чаво рисуете? – повторяет человек, заглядывает за плечо и вдруг совершенно трезвым голосом серьёзно говорит, – а людей самое сложное рисовать. Я тож художник...

И уходит шатаясь.

***

– ...И всё же покупной грунт для холста лучше не использовать. Никогда не знаешь, чего и в какой пропорции там намешано, даже если сейчас на качестве живописи это никак не скажется... Потом могут

возникнуть нежелательные изменения. Суриков, к примеру, писал на фабричном грунте. И что? Картины теперь все чёрные, реставраторы с ними бьются... Репин писал на фабричном грунте, грунт теперь осыпается с холста вместе с красочным слоем...

Чуть мигают энергосберегающие лампы. В окно заглядывает синее пасмурное небо. Из-под окна ощутимо дует. Кажется, ещё чуть-чуть и сквозняк будет листать тетрадь, как ему вздумается.

– Врубель вообще часто пренебрегал грунтом. Если ему во время работы что-то не нравилось, лепил на холст тряпку, вот самую простую тряпку, которой кисти вытирал, и писал сверху. Потом все такие заплатки, конечно, отваливались, но в тот момент он получал удовлетворение от работы, и этого ему было достаточно...

– А кто-нибудь вообще технологию соблюдал? Из великих?

– А как же, – Надежда Ивановна даже улыбнулась такой студенческой наивности, – академисты очень чётко соблюдали. Брюллов тот же, Семирадский... Потому академисты и сохранились лучше других...

***

Дверь маршрутки отъезжает в сторону, а за ней спины, спины... Люди стоят плотно прижавшись друг к другу. Мне тоже нужно сюда впихнуться, вместе с папкой первого формата. Я и впихиваюсь, деваться некуда. Хорошо хоть папка плоская, и я её осторожно так проталкиваю в глубину, между людьми. И сама за ней протискиваюсь. Очень удобно получается.

Но тут маршрутка срывается с места. Я упираюсь руками в потолок. Папка утыкается в чьи-то колени. Каждый студент-художник знает эти взгляды: пассажиры набитых маршруток смотрят на тебя так, будто ты с твоей папкой виноват разом во всех бедах на свете, никак не меньше.

– Эй, идите сюда! – откуда-то из-за спин выглядывает маленькая девушка в светло-розовой шапочке, берёт мою папку за край и умело

запихивает в щель между сиденьями, так, что в проход теперь торчит только небольшая часть.

– Просмотр? – сочувственно спрашивает меня.

– Просмотр, – соглашаюсь я, – завтра.

– Ого, – говорит она с уважением, - и... как?

– Да нормально, - отвечаю, – могло быть хуже.

– А вы счастливая, что перед просмотром домой ездите.

– А вы не ездили?

– Я... У меня как-то перед просмотром тубус с работами промок.

Представляете? Со всеми работами за семестр. Всё испортилось. Я тогда всю ночь рисовала и плакала, рисовала и плакала, и опять рисовала... И нарисовала ведь. Три с минусом мне поставили, хотя было понятно, что это не за семестр сделано... А вы на дизайне?

– Нет, на живописи.

– Ага, сразу видно. Ещё когда мы учились, живописцам с тубусами ходить не позволяли. Тоже маялись с этими, – она похлопала мою папку, торчащую в проходе рядом с её сиденьем.

Маршрутку дёргает во все стороны, под полом что-то пугающе дребезжит. За окнами мелькают огни. Приеду, нужно будет ещё композицию доделать. Вот параллельной группе куратор говорит: «Ребята, вы же почти все далеко живёте, вот пока едете и отдыхайте, а до дома добрались и сразу рисовать». Хорош отдых. Я однажды слышала, как преподаватели жаловались друг другу на студентов: «Я им всё говорю, надо больше рисовать, а они, что вы думаете? Они ещё поспать пытались, вы представляете?»

***

В мастерской почти нет мебели, только подиум, дырявая ширма и шкаф с рисунками. На шкаф наклеплена записка: «Кто ворует чужие холсты –

гори в аду!» В углу гипсовый торс Венеры, на него заботливо брошен халат.

– Скоро вы там?

– Две минуты ещё.

– Да вы что, издеваетесь? Руки все нарисовали?

– Погоди чуть-чуть...

– Нет уж, хватит, – одноклассник Никита сгружает на пол здоровенную гипсовую голову, – могу просто руки поднять, если кому надо.

Три минуты назад мы всей группой раздумывали, какого наброска ещё не рисовали. Сидящих фигур уже много. Стоящих – каких только нет. Никите надоело ждать, пока мы решим, он схватил с полки тяжеленного гипсового «Гаттамелату»...

– Рисуйте, пока держу!

Получилось забавно, будто Никита пытается приладить себе на плечи ещё одну голову, белую и страшную, в полтора раза больше, собственной. Устал он очень быстро. А мы хоть и должны тратить пять минут на набросок, рисуем обычно дольше – минут шесть-семь.

***

Сразу вспоминаю изостудию...

– Светлана Игоревна! А можно солнышко пририсовать?

– А можно углём?

– А как мне встать?

– Светлана Игоревна, а он шевелится!

– Ариш, давай без солнышка. У тебя и время лишнее на эти солнышки уходит.

– А я хочу с солнышком!

– Рисуем! Пять минут пошли!

Третьеклассник Кирилл на подиуме замер и уставился в одну точку. Примерно с минуту в группе тишина.

– Светлана Игоревна, а он пошевелился!

Рисовать наброски в детской группе... Здорово, конечно. Но как объяснить, зачем это нужно? Дети не успеют нарисовать за пять минут, закапризничают... Все разом. Начнётся бардак... Примерно так я думала, когда Света, преподаватель изостудии, рассказала мне о своей затее устроить наброски по вечерам.

– Мои одноклассники в училище с трудом понимают, что значит набросок, а детям будет совсем сложно, – сомневалась я.

– Ну почему сложно? Им-то, как раз проще.

Я с любопытством ждала, что же выйдет. К шести часам изостудия наполнилась детьми. Все галдят без умолку. Старшеклассники в вечерней группе тоже есть, но за малышами они почти не заметны.

– Ярослав, а тебе Пелагея нравится, да? – тонким голосом дразнится Ариша.

– Тсс! Тихо! Умей хранить секреты! – Ярослав делает большие глаза и даже по-взрослому так бледнеет.

– А какой секрет? – недоумевает Сёма.

Столбы стоят необычно. Полукругом вокруг подиума. Но замешательство длится недолго. Какая разница, как стоят? Нужно занять лучшие места!

– Светлана Игоревна! А сегодня будет портрет?

– Сегодня будут наброски, – невозмутимо объявляет Света, – вам нужно нарисовать человека за пять минут. Целого человека, с руками, с ногами... И без ластика! Если набросок не получается, лучше перевернуть лист, исправлять некогда...

Необычные новости группа переварила довольно быстро. И рисовать за пять минут детям, оказывается, действительно проще, чем нам, студентам. Смело, легко, одной линией фломастера. Они ещё солнышки рисовать успевают.

К концу занятия и меня просят позировать.

– Все посмотрели, какая у тёти Лены рубашка красивая! – командует Света, – чтобы все красивые складки нарисовали!

– Косу перекиньте вперёд! – строго говорит Ариша.

– Время пошло!

С подиума хорошо видно всё, что рисуют за столами. Вот Пелагея начала с ботинок, снизу вверх. А Дуня первым делом на чистом листе вырисовывает косу. А Сёма старательно рисует серёжки...

– Глазами не вертите! – велит Ариша, – вы вот туда смотрели, туда и смотрите!

После занятия мы со Светой идём до остановки.

– Ну, и как тебе?

– Здорово, – говорю, – правда, очень здорово.

– Мне тоже понравилось. Всем весело. И главное, сколько работ сразу получается. Кошмар, если так дальше пойдёт, они будут рисовать людей лучше меня.

– Рисуй тоже, – предлагаю.

– Ага, в группе такой бедлам поднимется... Нет уж.

Помолчали...

Небо темнеет. Накрапывает дождик.

– А как у Ники дела?

Ника – Светина сестра, художник-иллюстратор.

– Да как обычно. Жалуется на заказчиков. Ничего не понимают, мол, требуют перекроить всю затею, творить с ними невозможно. Сколько я наслушалась уже про злых редакторов и глупых издателей...

Жёлтые фонари отражаются в мокрой дороге. Ползёт полупустой троллейбус, в светящихся окнах видны маленькие, как будто кукольные фигурки.

***

День солнечный, а я стараюсь не стучать зубами. На солнце люди идут в расстёгнутых куртках, вон, парень в майке прошёл. Но мы стоим в тени, на ветру... Рисуем проезд между доходным и жилым домами купца Холодова на улице Кирова...

Вот жил себе когда-то в Челябинске купец Холодов и не подозревал, что однажды в жилом доме его устроят школу искусств, а в доходном – ресторан. И невзрачный узкий проезд между домами заинтересует студентов-художников.

На стену фигурно ложится тень. По камню тянутся провода... Из двери ресторана вышел официант в чёрном фартуке и галстук-бабочке, торопливо закурил. И увидел нас, перепачканных краской, с этюдниками и альбомами. Улыбнулся во весь рот, пригладил волосы, встал подбоченясь, и картинно оттопырил руку с сигаретой, рисуйте мол. А мы и рады. Намечаю фигурку у стены... Отведённый локоть, согнутая нога... Из ресторана выглянул кто-то в галстук, наш официант смутился, с сожалением бросил сигарету, махнул нам рукой и скрылся за дверью.

Проехала пожарная машина. Остановилась у школы. Пожар? Но ни дыма, ни паники...

Пожарные в закопченных куртках и блестящих чёрных масках открыли люк на тротуаре, вытянули оттуда какой-то шланг, подсоединили его к другому, из машины, потом как были, в куртках и масках расселись на солнышке, заговорили...

– О, да к вам тут целая композиция приехала, – ахает Надежда Ивановна, – и хорошая какая композиция! Зарисовывайте, пока они сидят! Живо!

***

Как-то у нас было задание: иллюстрация к балладе Жуковского «Светлана». Гадания, ночь, тёплый огненный свет, лица, освещенные снизу

вверх, народные костюмы... Нужна натура. Просто так, по представлению, не напишешь.

И вот в мастерской темно – задёрнуты чёрные шторы. Мы выпросили народный костюм, в котором натурщицы позируют старшим курсам. Девочки стали по очереди наряжаться. Мы рисуем в свете единственной жёлтой лампочки, её закрепляем пониже, и освещение получается похожим на свет свечей. Тёмные, контрастные тени ложатся на пышные рукава, красивыми складками укладывается юбка. Я снова позавидовала старшекурсникам: для них подобные постановки – обычное дело.

– Повернись чуть сильнее к свету... – командует однокурсница Ксюша, – ага, хорошо. Руку вытяни вперёд... А теперь испугайся! Представь, ты одна в горнице, ночь, вокруг нечисть всякая бродит... Ты гадаешь, страшное дело, а тут ещё ворон под окном кричит, жуть ведь! Да не улыбайся ты!

– Ну ты умеешь атмосферу нагнетать, – смеётся Влада, – ладно-ладно, сейчас.

Влада отсмеялась, поправила съехавший кокошник, и очень правдоподобно открыла в испуге глаза, прижала к губам пальцы, а второй рукой будто попыталась загородиться от зловещего ворона, кричащего прямо в окно.

На стене – наши тени, огромные и жутковато непропорциональные. И уже вся мастерская полнится волшебством крещенской ночи...

– Вы скоро? У меня руки затекли.

– Уже почти, – смотрю на часы, – семь минут прошло. Всё.

– Ух, нелёгкая это работа...

Влада сладко потягивается. И вдруг встаёт в упор лёжа и, как была, в расшитом сарафане и в кокошнике, несколько раз отжимается от пола. Мы глядим на эту картину, потрясённые.

– Ну что смотрите? Да, люблю отжиматься! У нас в баскетбольной команде, кто мячом в кольцо не попадал, тот отжимался, поэтому я всегда была сильнее всех...

***

И снова я в изостудии. По лестнице удаляются голоса «пионеров», так, у нас называют учеников.

– Как же спать хочу, – жалуется Света, наливая чай, – я допоздна лекцию по истории искусств доделывала, а в четыре утра какие-то умники у меня под окном взялись дорогу чинить. А прямо посреди истории искусств методист пришла, детей пересчитывать...– Света скорчила гримасу, адресованную всем на свете отчётам о детской посещаемости, – как там у вас в училище, как просмотр?

– Нормально. На четыре с плюсом по живописи не тяну, только на четыре.

– Хм. Их плюсы-минусы всегда были очень забавны.

Пять лет назад я познакомилась со Светой на этюдах, тогда она ездила с изостудией просто как выпускница. В сентябре того же года она стала преподавать и для всех «пионерчиков» сделалась «Светланой Игоревной». Потом я окончила школу, и перешла в разряд «пенсионерчиков»-студентов, а Светлана Игоревна снова стала для меня Светой...

– А я вот никогда не готовилась к просмотрам в училище. Как-то совпадало, что именно перед просмотром мне какая-нибудь книга интересная попадалась. Я целыми ночами читала, какой там просмотр! Ну, три, значит три, какая разница, – Света отхлебнула чаю, – а ты сегодня надолго?

– Не знаю. Но могу и до четырёх кабинет постеречь, если хочешь уйти.

– Угу. Покину тебя сегодня, пойду спать...

Мы поговорили ещё немного об училищных преподавателях, об искусстве Модерна и о Передвижниках. Света засобиравалась домой. Я достала свой холст. Изостудийные натюрморты для меня – отдушина в бесконечных учебных работах. Нужно же иногда вспоминать, что ты художник, а не только ученик. И писать что-то просто потому, что красиво, а не потому, что нужно учиться строить пространство. Кисти оказались немывыми после

вчерашней пары, я принялась нудно оттирать их хозяйственным мылом. Масло – удобный материал. Но вот к тому, что после работы нужно отмыть от краски штук шесть-семь кистей, я никак не привыкну. Краем глаза вижу, как в конце кабинета Света громоздит друг на друга табуретки.

– Всё-таки хочу его дописать, – объясняет она, расставляя на табуретках гуашь – а то, пока сама не закончила, детей подгонять как-то неудобно.

Речь о роскошном восточном натюрморте. Он стоит в изостудии с сентября, и всё равно все желающие никак его не закончат. На ярких драпировках висят пирамиды из причудливых чайников с закрученными носиками. Из-за чайников вьются павлиньи перья, а центром натюрморта служит огромное узорное блюдо. Света задёргивает шторы, и при тёплом, чуть мерцающем свете лампы натюрморт становится ещё сказочнее.

Тонконогий мольберт кажется каким-то жалким и неустойчивым под огромным листом. Тёмно-зелёный цвет бумаги красиво оттеняет красную гуашь. Золотым, зелёным, синим, переливаются узоры. Написано нарочито ярко, декоративно, но в то же время в картине такая глубина, какой нет в помине в наших выстроенных и выверенных учебных постановках...

– Здорово как...

– Ещё б закончить. Надоел. Не понимаю, как можно несколько лет одну картину писать.

Часа два мы пишем. Без «пионеров» в студии непривычно тихо.

– А я тебе показывала Спирина? – вдруг спрашивает Света, – я новую книгу купила. Не показывала? – из-под бумаг на столе появляется «Сказка о царе Салтане» с иллюстрациями Геннадия Спирина, известного современного художника.

Выполнено мастерски. Мелкая проработка деталей – прорисованы все складки и вышивка на костюмах – чередуется с большими однотонными плоскостями. Умело расставлены акценты и контрасты, так, что взгляд

зрителя сперва безошибочно останавливается на главных героях и лишь потом, строго согласно авторскому замыслу, движется по странице.

– Мне знаешь, что тут ещё нравится? Вся страница оформлена дизайнерски, а не просто огромная картина от края до края, и сбоку прибился текст, как многие делают...

И это верно. Художник подумал не только о самих иллюстрациях. Иллюстрации и текст гармонично сочетаются на страницах. Ничто не перетягивает на себя внимание, нет ничего случайного, всё подчинено единому графическому ритму.

– Его книги сейчас почти не найдёшь в России, их печатает всего пара издательств. И качество не всегда хорошее, но вот с этим изданием повезло, – увлечённо рассказывает Света, – а знаешь, недавно ещё альбом акварелей Базановой вышел? Не видела? Его я тоже хочу заказать, хоть и дорогой, но стоит того...

О книгах Света может говорить долго, с упоением коллекционера и тонкого ценителя. Дома у неё собрано множество альбомов по искусству, иллюстрированные книги всех мастей и видов, среди которых встречаются редкие и очень дорогие издания...

Как-то с другими выпускницами мы пришли к Свете в гости. Через час мы все, как сказочные мудрецы, сидели окружённые пирамидами книг высотой почти в человеческий рост. Там были великолепные издания старинных гравюр, яркие фантастические акварели, великолепно нарисованные комиксы начала двадцатого века, тонко проработанные японские манги... Среди пухлых книг с репродукциями Леонардо да Винчи встречались книги детских головоломок, с красочными иллюстрациями. Книгами была завалена вся комната, а огромный книжный шкаф не опустел и на треть.

Большой полосатый кот презрительно поглядывал на наши восторженные лица. На столе среди книг и чайных чашек величественно высился ткацкий станок. На шкафах рядами стояли разноцветные бутылки,

вазы, куклы, статуэтки, маленькие модели парусников. Под потолком тянулись тонкие прозрачные лески, на них качались бумажные облака.

***

Зима как-то быстро сошла на нет. И вот уже первые ярко-зелёные листочки осторожно трогают наши окна. Тёплый весенний ветер раздувает шторы парусами. Под окном, во дворе училища, лает Гектор – собака нашего завхоза.

– Гектор! Эй! – Никита высовывается в окно и машет псу рукой, – Яблоко будешь?

– У тебя есть яблоко? – оживает Влада.

– Яблоки собакам полезны, – задумчиво отвечает Никита, вытаскивает из рюкзака большое зелёное яблоко, режет резак для бумаг, кидает вниз четвертинку, – Гектор! Лови, чувак!

Никитины ноги в чёрных с оранжевым спортивных штанах торчат из-под занавески.

– Ну что, ест?

Гектор недоумённо лает снизу.

– Не. Понюхал и убежал.

– Ты выкинул яблоко!

– Яблоки собакам полезны, – упрямо повторяет Никита.

Ларик раздражённо зыркает из-за мольберта, выдёргивает из ушей наушники:

– Никита, сколько можно? Слазь, а! От тебя рефлекс в натюрморт!

***

Для всех лето – время отдыха. Но не для нас. Летом можно писать на улице и не дышать на замёрзшие руки, и не стряхивать снежинки с листа.

Миньяр - удивительное место. Здесь на каждом углу художники. Один этаж маленькой городской гостиницы занимают студенты нашего

художественного училища, ещё два этажа – студенты-художники из Оренбурга, а на той же улице через дом остановились студенты из Екатеринбурга.

В Миньяре не обязательно даже ходить, можно просто встать на одном месте и все две недели пленэра поворачиваться вокруг оси. И этюды будут замечательные. Идёшь по улице, и глаз цепляется то за резной наличник, то за старый колодец, то проглянет между домами сказочный пейзаж с горами, лесом и рекой.

***

Мы ушли слишком рано. Могли бы ещё писать, и всё равно вернулись бы вовремя. Утром в гору поднимались едва ли не час, а обратная дорога заняла минут десять.

Город лежит меж зелёных холмов. С вершины каждого открывается чудный вид на улицы, леса и реку... Смотришь, и тебя переполняет необычайная радость: как же здорово жить!

Но сперва нужно затащить на холм этюдник. По рыжей, раскисшей от утреннего дождя дороге...

В первый день, я заметила очень хороший мотив: склон зелёного холма, тёмные фиолетовые ели, на их фоне покосившиеся дома, ручей, мостик, заросшие ярким мхом камни... Конечно, дорогу до места я запомнила лишь приблизительно. Мы с однокурсницей отправились туда и благополучно прозевали нужный поворот, но возвращаться, после того как с таким трудом ползли вверх, показалось нам глупым. С четырёх сторон нас облаивали собаки. Здесь почти во всех воротах проделаны маленькие квадратные дыры, наверное, для кошек. Собаки высовываются в эти дыры, смотрят на тебя с брезгливым любопытством и лают, рыча и брызжа слюной...

– Не могу больше! Привал... – Эля спустила на землю этюдник. Этюдник у неё тяжеленный, с красками внутри килограмм десять, наверное...

Прямо перед нами из дыры в воротах высунулась рыжая лайка. Зарычала, зашлась лаем. А мы не уходили. Лайку это разозлило не на шутку, она зарычала с удвоенной силой. Даже ворота затряслись. В домике открылось окно, высунулась пухлая кудрявая женщина и принялась кричать на собаку... А мы пошли дальше.

Дорога упрямо ползла всё выше и выше, а мы ползли по дороге...

И, наконец, добрались. Вот оно счастье: скинуть с плеча тяжёлый этюдник, стащить с ног резиновые сапоги. Босиком пройти по мокрой траве, повалиться в траву, чувствовать, как бьётся сердце, непривычное к таким подъёмам, над тобой качаются стебли. Вокруг стрёкот, жужжание, небо звенит криками птиц.

Поднимаешься, и тебя обступают зелёные холмы с тёмными елями, за их макушки вдаль цепляются облака, внизу между холмами огорода, разноцветные крыши. Видно, как в чьём-то дворе бродят крохотные белые гуси. Склон в цветах. Синих и белых. Кажется, будто небо отражается в траве... Как же это всё закомпоновать?

Открываю этюдник. С запахами лета, цветов и солнца мешается запах красок, смолистый запах художественного лака. Прямо перед нами зависло огромное бело-синее облако. Солнце подсвечивает его с обратной стороны, широкими лучами свет расходится в небо. В вышине мелькают стрижи. Синеву пересёк чёрный силуэт ворона. И крик - нечто среднее между утиным кряканьем и собачьим рычанием. Для таких красивых птиц вороны очень уж несолидно кричат.

Облака уже никак не вместить в этюд. Я решила захватить огромную зелёную гору, её уходящий вдаль гребень и лес на склоне. Для неба оставалась только узкая полоска наверху картонки. И всё же я упрямо взяла тонкую кисть и наметила на этом кусочке неба кудрявый облачный силуэт.

Мы с Элей решаем вернуться на гору. Сегодня же! Обязательно! Только пообедаем и снова придём!

Так мы решаем каждый день. Но выйдем на дорогу – и кто-нибудь из нас обязательно покажет в сторону: «Смотри, как красиво!» Недолго думая, поворачиваем совершенно не туда, куда собирались.

Эля приехала из Казахстана. Из маленького городка, который, как она говорит, можно весь обойти за полчаса. Вдвоём с мамой они держат большое хозяйство: кур, гусей, индюков, баранов...

– Неправильно ты их кормишь, – заявляет моя подруга, когда я, пытаюсь рисовать кур, приманивая их хлебом. Куры опасливо обходят меня по большой дуге, я осторожно иду следом, и они пускаются в настоящий галоп.

– Ты неправильно всё делаешь. Дай покажу, – хлеб крошит Эля, приговаривая: «Цыпа-цыпа, цыпа...», и куры уже заинтересованно носятся за каждой крошкой. Когда же она возвращается к своему этюду, куры снова не желают есть. Я так и не поняла, в чём тут секрет. Думаю, с баранами и индюками Эля управляется также ловко.

Она мечтает об Академии Художеств. Мечтает изо всех сил. Учёба даётся ей трудно. На просмотрах у неё всегда больше всех работ, но хорошей оценки не получает раз за разом. После каждого просмотра Эля тихонько плачет где-нибудь в углу мастерской. А на утро снова рисует...

***

Стремительно летят летние дни. Миньяр остался позади, а я в гостях у подруги, в Миассе. Улицы здесь то и дело теряются среди сосен и берёз. И сам город удивительно сосуществует с природой: в двух шагах от шумных городских улиц – и горы, и зелёные дали, и потрясающей красоты озеро Тургояк...

Первый час ночи. Стрекочущая летняя темнота смотрит с открытого балкона. Глаза слипаются. Мы весь день гуляли, писали, сидя на солнце, рисовали наброски на пляже...

Посреди комнаты стоит раскрытый чёрный зонт. Ксюше заказали нарисовать на нём замок с летучими мышами. Отдавать заказ послезавтра. Спать некогда.

Я читаю вслух мемуары Константина Коровина. Написано легко и весело. Коровин пишет о своей учёбе в Московском художественном училище, где преподавателями были: Саврасов, Перов, Прянишников, братья Сорокины, Поленов и Маковский... О поездке на этюды с Мельниковым и Левитаном, о дружбе с Врубелем и Серовым.

Как здорово, когда великие художники перестают быть просто великими именами и просто картинами в музеях. Как здорово знать, что те, кто заставил простой холст заиграть жизнью, были такие же люди... Читаешь, и вот они перед тобой, живые, весёлые. Их волнует то же, что и нас. Пусть нам до них безумно далеко, но читаешь, и охватывает сладкое чувство единства... Такие же художники, как и мы... А мы – художники? Имеем ли и мы право так называться?

«Я смотрел на окружающий нас лес, на осинки и берёзы с листвой, рассыпанной на фоне тёмных сосен, как тончайший бисер.

- Написать это невозможно, - сказал Мельников и откусил пирога.

- Немыслимо, - согласился Левитан и тоже стал есть пирог» – пишет Коровин.

Как всё это знакомо! Чувство восхищения и тут же ясное осознание, никогда тебе не передать и сотой доли этого солнца, этого синего неба и шума листвы. Но не попытаться ты не можешь. Красота и счастье распирают тебя изнутри. Всего через пару часов ты будешь с недоумением разглядывать свой неуклюжий этюд, но сейчас ты не можешь не попытаться.

Репин, в восемнадцать лет впервые приехал в Петербург из провинции, с трепетом смотрел на Академию художеств и ждал, не выйдет ли из дверей *настоящий художник*. Искал своё имя в списке экзаменуемых и горько расстраивался, не находя.

Нестеров с волнением ждал, когда же к нему подойдёт учитель, знаменитый Перов. И в отчаянии сам себя обзывал бесталанным...

Васнецов, с первого раза успешно выдержав экзамены в Академию Художеств, не понял и не смел даже думать, что уже принят на обучение, и ещё целый год занимался в Рисовальной школе при Обществе поощрения художеств.

Какое счастье, чувствовать своё родство с великими. Чувствовать свою пусть совсем крошечную, но всё же причастность к великому стремлению человека ввысь, которое мы привыкли называть «искусством».

***

С неба палит солнце, гремит музыка. У прилавка с шашлыками рыжая дворняга, лёжа на боку, лениво облаивает всех, кто идёт мимо. Кругом так вкусно пахнет, а мы с утра ничего не ели. Но денег всего ничего, а пляжные цены велики...

Плечи сгорели, по ним больно елозит ремень папки. Когда уже можно будет её скинуть? Мы уходим в дальний конец пляжа, где бледно-жёлтый песок теряется под короткой, жёсткой, как щетина, травой и перемешивается с сосновой хвоей. Скидываем на землю сумки. Бросаем сверху одежду. Бежим к озеру.

Какая прозрачная вода! Вокруг кричат дети, плавают надувные круги и матрасы. Здесь совершенно невозможно определять глубину. Заходишь по шею, а дно видно так чётко, будто стоишь в воде по колено. Вода приятно холодная. Отсюда далеко виден пляж. Он весь розовый от человеческих тел.

Выбираемся на берег. Мокрые и счастливые. Тургояк светится на солнце. Вода будто вбирает в себя солнечный свет и сияет. Вдали встают горы, покрытые лесом, на тёмно-синем фоне виден белый треугольный парус.

Мокрыми руками роешься в папке, находишь кусок фанерки с пришпиленной бумагой для набросков.

Песок устилают цветные полотенца. Карандаш мечется по бумаге, пытаюсь успеть то за одной пляжной сценой, то за другой. Лают собаки. Вот рыжий спаниель не смог спокойно смотреть, как его хозяйка заходит всё дальше в воду, решился и поплыл за ней. Вот два карапуза лет шести с ужасно важным видом протащили мимо надувной матрас. Прошёл мужчина в ковбойской шляпе – сразу два арбуза под мышками. Кругом бегают дети, перемазанные песком и талым мороженым, мамочки в цветастых купальниках лениво следят за ними из-под полей шляпок. Кудрявая девочка лет пяти уронила панамку на бегу, вернулась поднять... И широко раскрыла глаза на наши наброски...

- Тётя, покажите! Что вы рисуете? Тётя, вы художник?

Я художник?

Живая голова

Стол перепачкан краской. С краю совсем свежие пятна ультрамарина – зазеваешься, и сам вымажешься в ярко-синем и маслянистом... На сушилках для посуды - палитры. Вдоль стен, на полу в беспорядке валяются холсты и картонки: натюрморты, портреты, жанровые сценки, этюды... Стоят на подставках гипсовые головы: античные боги, философы и полководцы...

Здесь учатся художники. Учатся создавать на плоском холсте глубокое пространство и «лепить» объёмную форму мазками краски или штрихами карандаша.

***

– У вас не найдётся лишних рук или ног? Второй день везде ищу.

Ольга Николаевна поднимает глаза от альбома с набросками.

– Посмотрите, вон в ящике, у двери, только лопатки и локтевые суставы не берите, они мне самой нужны.

В ящике слышен стук перебираемых «костей».

– Вот эту ногу беру, – Светлана Петровна – преподаватель старших курсов, показывает большую, перемазанную клеем и краской, ногу человеческого скелета, – вы, кстати, не видели, куда Маркленович свои кости дел? Всего-то три скелета на всех...

Сторонний человек, услышит такой разговор и подумает невесть что. На самом деле, речь всего лишь об учебных пособиях по анатомии. Анатомия важна для художника, не зная анатомии, не напишешь грамотно ни портрет, ни человеческую фигуру. Но «рук» и «ног» на всех не хватает...

Как-то к нам на занятие заглянул преподаватель другой группы и пожаловался, что «у второго курса глаз болтается, просто сил нет, и ничего с этим не сделать». На что Ольга Николаевна невозмутимо ответила: «Всё в порядке у них с глазом, просто посадите двоих в профиль». Такие разговоры в училище не редкость, а речь о гипсовом глазе Давида, который никак не удаётся закрепить на стене. Прежде чем перейти к рисованию всей головы, студенты штудируют отдельные части лица: глаза, нос, губы. Для этого традиционно используют лицо статуи Давида работы Микеланджело – считается, что именно его черты наиболее правильны и гармоничны.

Перед нами скелет, нелепый, собранный из нескольких других. Ноги разной длины, руки ниже колен. Шея скелета скотчем примотана к мольберту, и лишь поэтому бедняга стоит. В кабинете темно, задёрнуты плотные шторы, единственная лампа освещает постановку. Боковой свет разбивает форму на множество светлых и тёмных граней. А в полумраке вокруг – мы, студенты. Скрипят мольберты, шуршат грифели по бумаге. От темноты и напряжения глаз хочется спать, а мы упрямо вымеряем соотношение тазовых костей и грудной клетки, штрихуем полутени на рёбрах.

– Что-то у всех с головой проблемы, – задумчиво говорит Ольга Николаевна – почему у него на всех работах такая голова маленькая?

Замеряю карандашом размер головы, относительно размеров скелета, на натуре и на своей работе. Совпадает, но не совсем. И вправду, череп должен быть крупнее... «А завтра едем на этюды, – думаю, исправляя работу и стараясь не засыпать, – завтра на этюды...»

***

Туман. Густой и очень-очень белый. Я давно такого не видела. Вот так повезло! Скорее, скорее, мы с подругой натягиваем всё самое тёплое, один свитер поверх другого, зимняя шапка, куртка. На рассвете холодно.

Через дыру в заборе выбираемся со старой базы отдыха в поле. Джинсы тут же намокают от росы, резиновые сапоги не спасают.

Один за другим уходят в туман силуэты стогов. Берёзовый лес – едва видная лёгкая дымка, белые стволы сливаются с белым туманом. На поле очень тихо: ни ветерка, ни птицы, ни кузнечика. Мы молчим – не спугнуть бы красоту. Молча переглядываемся и тянем из папок планшеты с бумагой. Вечно мы с Сашей так. Решим, что пойдём вон в то дальнейшее поле, но едва выйдем на дорогу, и со всех сторон обступят такие пейзажи, что духу не хватит пройти мимо.

Едва остановились, и вот уже пробирает рассветный холод. А ведь вчера вечером мы бегали босиком по колючей стерне и боялись, что сгорим на солнце. Я сжимаю зубы, чтоб не стучали. Ничего. Не впервой.

Бумага не сохнет во влажном рассветном воздухе, и это нам на руку. Акварель расплывается, на листе появляются мягкие, туманные очертания леса, краски перетекают одна в другую. Сухой кистью я протираю в прозрачном лесу белые стволы, чуть затемняю силуэт стога, чтобы углубить пространство пейзажа. Очень мёрзнут руки – то и дело приходится отжимать мокрую кисть. Допишем, и в тепло, и чай кипятить.

Картина вокруг меняется, сперва по чуть-чуть, осторожно, а дальше всё стремительней. Из-за дальнего леса встаёт солнце, его лучи скользят меж берёз, высвечивают стволы и золотистую листву. Туман отступает,

просыпаются птицы, перекликаются в ветвях. С трудом, сгибая-разгибая озябшие пальцы, застёгиваю пенал с кистями. Домой! В тепло! Саша тоже дышит на замёрзшие руки и, видно, думает о том же.

Но не успели мы папки закрыть, туман вернулся. Облаком лёг на поле. Получилась картина с удивительным контрастом. Золотисто-желтые берёзы, алая рябина, охристая спина поля, бледный холодный лес вдали, а в просветах между деревьями – туман плотный и ярко-белый, как лист бумаги. Дорога, петляя, теряется в этой белизне. И что же, мы сейчас повернёмся и уйдём? Молча переглядываемся и вытаскиваем из папок по второму листу.

Возвращаемся по росе. Промёрзли до костей, но счастливы.

Эта особенная звучная тишина, небывалые цвета и контрасты... Пейзаж вокруг неземной, волшебный. В траве, меж стеблей натянуты бессчётные нити паутинок. И каждая паутинка унижена капельками росы, и в каждой росинке светится солнце. И всё поле светится, сверкает. Лёгкой дымкой стекает за лес туман.

***

– Да где же моя голова? Видел кто-нибудь мою голову? – однокурсница Лера в панике мечется по мастерской.

– В шкафу посмотри.

– А... Нашла! – Лера отыскала в дальнем углу свой холст и критически уставилась на него, – по идее третья голова должна быть лучше первых двух... Ну, по идее...

Из натюрморта на нас укоризненно смотрит гипсовый Германик – великий римский полководец: «Тоже мне, понарастили голов!»

Полтора месяца мы писали натюрморты с гипсами. Искали оттенки и полутона в белом, изучали форму, а теперь перешли на «живые головы», настоящие портреты.

Оказалось, нас не зря пугали именно «живой головой». Эта форма много сложнее самого затейливого натюрморта. И натюрморт, ведь правда,

стоит в мастерской, сколько нужно. Не болтает, не вертится, не просится отдохнуть, не бегаёт курить во двор и не возвращается потом покрасневшимся с мороза... Зато писать портрет куда интересней. Наша натурщица – Лариса Петровна работает в училище уже больше тридцати лет и тайком подсказывает нам, как её правильно рисовать.

***

На лестнице на меня едва не налетела растрёпанная девчонка с огромным холстом наперевес. В училище у нас все друг друга знают. Эта девчонка – первокурсница, но холст у неё раза в полтора больше наших самых крупных работ. Нынешние первокурсники, бедняги, должны к концу семестра выйти на формат А1... В масле. По мне, так настоящее издевательство. Ведь на первом курсе ещё толком не знаешь и не чувствуешь материал, а тут, будь добр, метровый холст. И грунты для холстов ребята сами готовят, толкут мел.

Про эту группу ходят разные слухи. Говорят, их суровый преподаватель, известный художник Александр Владимиров, держит студентов в страхе, не желает тратить время на бездельников, а работы смотрит лишь у тех, кто сперва набегается за ним по коридорам. Он собственноручно вынес из мастерской стол, за которым ребята обычно обедали, безобразие мол, студенты только едят, а не работают.

И ещё рассказывают, как кто-то из ребят принёс в мастерскую собаку. Маленького щенка. Сердитый Александр Михайлович при виде пёсика совершенно растаял, даже забыл учеников отругать...

***

Художнические поездки в трамвае всегда напоминают какую-то сверхсекретную операцию. Чувствуешь себя не то шпионом, не то частным детективом...

Сегодня повезло. Я устроилась на одном из своих любимых «набросочных» мест, в передней части салона, спиной к дверям. С этой точки видно весь трамвай до самого конца. Смотрю: вон та бабушка неуловимо напоминает репинский «Портрет старушки», а у того старика так резко и красиво очерчены скулы, и так красиво выглядывают из-под кепки лёгкие седые кудри. Но у моего «набросочного» места есть и недостатки. Ты сам на виду у всех пассажиров. А далеко не все любят, когда их рисуют. Некоторые отворачиваются, накидывают капюшоны, бывает, и вовсе пересаживаются в другой конец трамвая...

Пристраиваю у ног папку и принимаю самый беззаботный и рассеянный вид. Верчу головой, смотрю в окна, разглядываю объявления на стенах, как бы невзначай достаю маленький альбом из папки. В кармане куртки наготове лежит тонкий маркер, он даёт такую красивую линию...

Проехали почти остановку. Убеждаюсь, что на меня не смотрят, и начинаю. Начинать стоит с тех пассажиров, что сидят ближе, ведь они первыми заметят, что ты делаешь, и тогда их уже не нарисуешь. У окна сидит бабушка в потёртой светлой шубе, под воротником намотан какой-то детский красный шарф. И губы у бабушки накрашены красным, а носогубные складки такие жёсткие, прямо рубленные... Краем глаза вижу, как любопытно уставилась на меня другая бабушка. Заметила. Жаль, у неё очень интересные вскинутые брови, и переносица уплощённая, по-восточному... Теперь, чтобы её нарисовать, придётся хитрить.

Иногда, впрочем, не помогают никакие хитрости. Как-то в трамвае, рядом со мной сел потрясающе живописный старик. На голове рыжая меховая шапка, из-под лохматых бровей поблёскивают очки, усы лихо закручены кверху. Дедушка сел, почтительно устроил рядом с собой свой портфель и развернул газету. Образ получился просто роскошный. Правда, сидел ко мне он слишком близко. Я старательно уставилась в окно за его спиной. Дедушка покосился, убедился, что я смотрю не на него, успокоился,

стал читать. Я как раз ждала этого момента. Пока он снова не поднял глаза, нужно успеть хорошенько его разглядеть и запомнить побольше...

– Вы его рисуете, да? Правда ведь? – ко мне наклонилась соседка. Видимо, она была глуховата и говорила так, что услышали все. Но даже этого оказалось мало.

– Его рисуете, да? – и она весело ткнула пальцем на старика с газетой, – а покажите, что вы ещё нарисовали, я видела, вы рисовали!

Стараюсь улыбаться, показываю ей альбом с набросками, а краем глаза вижу, как красивый старик в меховой шапке спешно сворачивает газету и уходит...

***

– Нас всё заставляли самих делать! Мы даже формопласт варили в общаге, представляете? – художница Ольга Гражданкина вспоминает своё студенчество.

Формопласт используют скульпторы для формовки изделий. А мы, рисовальщицы, кусочками формопласта высветляем слишком тёмные, запачканные карандашом рисунки. Внешне наш формопласт похож на обычный ластик, только прозрачный, желеобразный. И ещё он разъедает пластмассу, если положить рядом кусочек формопласта и обычную шариковую ручку, в пластмассовой стенке ручки появится дырка с липкими, расплавленными краями.

– Представляете, на кухне общежития варили эту химию... Какая вонь стояла! Вся общага разбежалась, уж не знаю, какими словами нас ругали. Только один парень подошёл, заглянул в кастрюлю и говорит: «Везёт вам, девчонкам, сами приготовили, сами съели...»

– Ещё случай был, в общежитии ремонт затеяли, постелили новый линолеум. И что вы думаете? Тут же, под кроватями, по углам, и в других незаметных местах от него стали потихоньку отрезать куски, на линогравюры...

– Староста на нашем этаже в общежитии был скульптором. Силища... Сами понимаете. Если найдёт в кухне немытые ложки-вилки, все завяжет узлом. В воспитательных целях.

***

Нас часто спрашивают: «Вот закончите вы своё училище и что? Что вы будете делать дальше? Много заработаешь вашими картинками?» А мне всегда вспоминаются слова английского писателя Джеймса Хэрриота, хотя говорил он не о художниках. Но, думаю, что его слова справедливы и для нас. «Если, - писал Джеймс Хэрриот, - вы рискнёте на совесть заниматься своим делом, то богатыми вам не стать никогда, но соскучиться жизнь вам не даст, это точно».